

Сергей Беседин

Охотники за пармезаном

II категория Хамон сентябрь 2014 г.	II категория Оливки сентябрь 2014 г.	II категория Пармезан сентябрь 2014 г.	II категория Фуа-гра сентябрь 2014 г.	II категория Сёмга сентябрь 2014 г.
II категория Смузи сентябрь 2014 г.	Талоны на питание г. Москва ОСЕНЬ 2014 г.			II категория Прошутто сентябрь 2014 г.
II категория Чизкейк сентябрь 2014 г.	II категория Листеры и офисный пластик			II категория Устрицы сентябрь 2014 г.
II категория Кока-кола сентябрь 2014 г.	1. Талоны действительны только при предоставлении официальной справки 2. Муж устроился в банк – люб. жер. выкатываемый роллет			II категория Моцарелла сентябрь 2014 г.
II категория Биг-мак сентябрь 2014 г.	II категория Авокадо сентябрь 2014 г.	II категория Шпроты сентябрь 2014 г.	II категория Камчатка сентябрь 2014 г.	II категория Брокколи сентябрь 2014 г.

Лосось, Хамон
Камчатка (Mix)
+7 925 666 1488
Паспорта для
Wi-Fi

ПОЛАКОМИСЬ
ОСТАТКАМИ
САНКЦИОННЫХ
ПРОДУКТОВ!

Сергей Владимирович Беседин

Охотники за пармезаном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23129520

Аннотация

Эта книга – возможно, единственный юмористический проект в Сибири (а то и в России!) за многие годы о российской действительности, политике и бизнесе. Фельетоны и рассказы читатели фейсбука уже успели определить как "гомерически смешные", а главы из сатирического романа о российском бизнесе и приключениях бананового короля Тихманского "Метаморфозы" – отдельное удовольствие .

Сергей Беседин
Охотники за пармезаном
Новосибирск
2017

© Сергей Беседин , 2017

© Издательство Superior Digital Printing, 2017

«— ...А правда, что все журналисты мечтают написать роман?»

— Нет, — солгал я». (Сергей Довлатов, «Компромисс»)

Кажется, что с новосибирским журналистом и писателем Сергеем Бесединым мы дружим всю жизнь. А познакомились-то в Facebook от силы года полтора назад. И произошло всё это как раз благодаря историям, которые вы прочитаете (или перечитаете) в книге «Охотники за пармезаном».

Выдержат ли фейсбучные юмор и сатира испытание бумагой? Лично у меня сомнений в этом нет. Не исключаю, что фельетоны Сергея начала 2000-х, написанные от имени почетного ВОХРовца и заслуженного деятеля всех наук Ивана Кувалды, несколько меркнут на фоне гомерически смешных историй про новую вампуку от создателей блокбастера «Викинг» или охоту инспекторов Роспотребнадзора на пенсионеров-грибников. Но помяните моё слово: лет через 20 быт и нравы нашей эпохи будут изучать по книжке Беседина — так же, как сегодня мы знакомимся с повседневной жизнью русской интеллигенции начала XX века по книжкам Тэффи.

Отдельное удовольствие — это главы из романа Сергея

Беседина, который он писал и правил буквально на глазах изумлённых пользователей Facebook. На моей памяти, это первое юмористическое литературное произведение о российских бизнесменах после анекдотов про «новых русских» и «яйца Вексельберга». Прототип современного Остапа Бендера, о котором идёт речь в романе Сергея, жив и здоров – как и прототипы большинства действующих лиц, легко узнаваемых за прозрачными псевдонимами. Думаю, что после «Охотников за пармезаном» желание прочитать про все похождения бананового короля Тихманского начнёт сжигать вас так же, как и меня.

Ольга Проскурнина (журналист, писатель, Москва)

От автора

Эту книгу можно было также назвать «В поисках жанра». Здесь есть все: рассказы, фельетоны, «Итальянский дневник» и главы из моего романа «Метаморфозы». Но основой всегда был малый жанр, деталь, из которой выростала мизансцена и каркас для более солидного произведения. Так, «Метаморфозы» – это роман-калейдоскоп, роман-пазл или, если угодно, роман-лего из ста мелких фрагментов. В каждой главе открывается новая грань героя – его отношения с друзьями, клиентами, женщинами, детьми, властью и религией. Итог – авантюрно-юмористическая сага о российском бизнесе, совершенно точно первая в Сибири и, возможно даже, первая в новейшей истории нашего отечества. Я опубликовал здесь пять глав из романа в качестве тизера. Кас-

кад приключений моего персонажа Тихманского заставляет вспомнить и ещё один жанр, незаслуженно забытый – плутовской роман, давший миру множество лукавых и обаятельных авантюристов от Ласарильо с Тормеса до Феликса Круля.

И ещё. Чуть не забыл сказать, что все события романа вымышлены, а все совпадения с реальными людьми, живущими сейчас или когда-то жившими, случайны.

Я включил сюда и фельетоны, написанные в своё время, в 2005 году, для газеты «Новосибирские новости». Прошло двенадцать лет, полный астрономический цикл, и я обнаружил, что они смотрятся по-прежнему свежо и интересно, а значит, мало что изменилось. Ведь мы, как и раньше, боремся с террористами, держим границу на замке, пытаемся перекрыть интернет и мучаемся вопросом, не вернуть ли Ленина на деньги.

Приятного вам путешествия по страницам книги!

ФЕЛЬЕТОНЫ

ОХАБЕНЬ ИЗ МУХОЯРА

«Официально всех халявщиков посылаю на хер. Звонить по поводу трудоустройства и обучения только психически нормальным и хорошо воспитанным людям по телефону: 8 903 771

Слава Иисусу Христу!

Герман Стерлигов»

(Из фейсбука)

В честь открытия магазина «Хлебъ из русской печи и прочия товары от Гурмана Стерлингова» (на Новорижском шоссе) за прилавком стоял сам хозяин. Одет он был в полурасстегнутый охабень из мухояра еребелевого цвета, на голове – мурмолка с парчовой тульей. Если перегнуться через прилавок, можно было увидеть пестрядинные порты и новые сапоги в гармошку.

Свою бороду он расчесал гребнем надвое и смазал чистейшим репейным маслом.

В магазин зашёл робкий дедок и стал с испугом оглядывать полки.

– Хлебца мне бы свежего, мил человек...

– Пятьсот пятьдесят целковых! – благостно отозвался Стерлингов. – Слава Иисусу Христу!

– Что ж ты, – сказал дедок укоризненно, – Христа славишь, а цены у тебя на хлеб дьявольские?

– Никак меньше нельзя! – охотно отвечал Стерлингов. – Хлебушек-то без дрожжей, зерно настоящее, неотравленное, на чистом лошадином навозе возвращено! Вот понюхай! – он протянул деду рукав своего охабня, от которого действительно разило навозом. – Это тебе не химический комбикорм из магазина! Посолен солью с Белого моря!

Дедок отдёргнулся от рукава.

– Мне рублей за пятьдесят. Нету больше.

– Свечу вот бери, – предложил хозяин. – Из натурального

воска. Она ровно пятьдесят и стоит. Как одна копейка, хе-хе...

– Да не надо мне свечу, мне б из еды чего, – протянул дедок, взирая на ценники и уже понимая, что просьба его – не по адресу.

– А иди-ка ты на хер, халявщик! – крикнул на него вдруг Стерлинг. – Вот бог, а вот порог! Ты не смотри, что я смиренный! Так метлой сейчас угощу, что до самой Москвы катиться будешь, до этого вертепа!

Взъерошенный дедок пулей вылетел из магазина.

– Здравствуйте! – в магазин зашла простоватая блондинка чуть маргинального вида. – Я по объявлению. Здесь в продащицы набирают?

– Здорово, девка! – приветствовал ее Гурман, потянув с головы мурмолку. – Ты чьих будешь?

– В смысле чьих? – не поняла блондинка. – Так-то из райцентра я.

– Замужняя? Али разведена? Почему простоволосая?

– Да не замужем я ещё, – проямлила блонди.

– Ага, прелюбодеица! – коршуном накинулся на неё Гурман. – Где сатана сам не сможет, туда бабу пошлет!

– Что-то заумное вы несёте, – испугалась девушка. – Я пойду, пожалуй!

– Стоять! – приказал ей Стерлинг. – Лицо у тебя русское, белое да гладкое, на чурку богопротивную не похожа... сгодишься! Только разукрашена как обезьяна, но это мы с

тебя сотрём с божьей помощью. А ну, сымай кофту!

На блондинку напал временный паралич.

– За-зачем? – пробормотала она побледневшими губами.

– Проверять будем! – подмигнул Стерлингов. – Нет ли картинок-татуировок на тебе сатанинских, не проколот ли пупок.

Находясь в состоянии почти обморочном, кандидатка потащила свой свитерок вверх, обнажив грудь в кружевном розовом лифчике. Стерлингов очень внимательно осмотрел представленную его глазам картину и даже зачем-то взвесил одну из молочных желёз на ладони. Блондинка залилась кармином.

– Чистенько все, – удовлетворенно подвёл итоги Стерлингов. – Теперь повернись и портки приспусти на минуту. Знаю я хитрости вашей сестры! Некоторые бесовщину ещё и на ягодицы себе колют!

Готовая уже на все блондинка показала Стерлингову крепкий упитанный тыл и начала было снимать джинсы, как тут в магазин зашёл мордоворот в золотых перстнях и дорогом костюме.

– Ого, – растерялся он на мгновение, – кажется, вы заняты, я позже найду.

Стерлингов тут же забыл про девицу и растёкся в сладчайшей медово-масляной улыбке.

– Всегда такому гостю рады! Благослови Христос! А ты, дура, закрой срамоту, пандемониум здесь устроила. Повез-

ло тебе, что настроение у меня хорошее, принята ты. Да не плачь, не благодари, завтра на работу выйдешь. А вы, господин хороший, выбирайте! Все у нас чистенькое, слава Иисусу, натуральное. Не то что эта химия, которую г...еды в супермаркете покупают. И недорого. Сыр по три тысячи пятьсот за кило, молочишко козье – восемьсот рублей литр, медок с пасеки – тысяча шестьсот за баночку.

Амбал достал пачку валюты, перетянутую резинкой, и отслоил бумажку в сто долларов.

– Ну дай мне на пробу всего помаленьку. Братанов угощу. И, пока Стерлингов суетился, раскладывая заказ по бумажным пакетам, здоровяк задумался.

– А правда, что ты без техники управляешься? – с любопытством спросил он. – Без тракторов всяких и культиваторов?

– Истинная правда! – перекрестился хозяин. – Машины эти – от лукавого они. На лошадях пашем и быках. Этой весной много сеяли, так приходилось и на жене моей, Алёне, пахать. Быку же тоже отдых нужен! Она у меня смиренная! Кстати, вот книжечка ее авторства, «Мужем битая»! В подарочек вам к заказу!

Браток польщенно ухмыльнулся.

– Таких бы, как вы, покупателей побольше, – мечтательно заметил Гурман. – Сразу видно, порядочный человек, не хачик, не масон и не педераст. Всегда ждём вас в гости!

Внезапно за окном завyla собака. Стерлингов изменился

в лице.

– Расплодилось бродячее отродье! – в сердцах бросил он. – Дураки с автозаправки подкармливают. Сейчас выйду разберусь.

Он вытащил откуда-то из-под прилавка двустволку и ринулся на улицу. Лопнул и раскатился гулкой выстрел. Через минуту Стерлингов вернулся, лицо его было печально.

– Промахнулся, – пожал он плечами. – Ну ничего, в следующий раз попаду. Ступайте с богом, господин хороший! И позвольте вас по христианскому обычаю на дорожку троекратно облобызать!

ТРИЛЛЕР

«Правительство вводит налог на сбор грибов и лесных ягод. Размер налога составит от 4500 до 6000 рублей»

(Из сообщений СМИ)

Инспекторы Росгрибнадзора Матвей Стручков и Кузьма Муравьевов выехали на рейд рано утром. Оставив джип на поляне, они бесшумно двинулись по ведомым лишь им одним тропкам. Затеяливый камуфляж делал их практически невидимыми.

– Ложись! – дёрнул за рукав Матвей Кузьму, почуяв что-то неладное. – Не отсвечивай.

Кузьма послушно рухнул ничком, рядом примостился и Матвей.

– Вот она, зараза, – сказал Стручков, тяжело дыша и передавая свой армейский бинокль напарнику, чтобы тот в пол-

ной мере насладился открывшейся картиной. – Алевтина Мефодьевна. Знатная браконьерша. Давно за ней наблюдаю. Корзины по три сыроежек в день таскает. И все без лицензии. А когда масть идёт, ещё и белые!

– Тварь! – сплюнул Муравьевов, озлобившись. – Будем брать?

– Погоди, – велел Стручков. – Подпустим поближе и вот тогда... Бабка шустрая, хотя ей уже восемьдесят четыре. Надо действовать наверняка. Наручники, газовый баллончик, электрошокер – проверь, все ли на месте.

И друзья стали с нетерпением поджидать, пока жертва сама попадёт в их западню.

У Алевтины Мефодьевны с годами очень обострилась интуиция. Уже третий день ей было беспокойно, но сегодня с утра она просто-таки ужасно разнервничалась. Бродя по пустому лесу, она спиной ощущала чей-то пристальный и напряжённый взгляд. Несколько раз она резко оборачивалась, но ничего не увидела, кроме порыжевших от осени деревьев и колышущихся лохмотьев паутины.

Внезапно она остановилась, как чуткий, пугливый зверь. Тянуло сигаретным дымком, значит, кто-то рядом совсем недавно курил. Внимательный глаз Алевтины отметил несколько сломанных веточек и примятую сапогом кучу листьев. В кустах что-то зашуршало.

– Стой! Не уйдёшь! – встав во весь свой могучий рост в

нескольких метрах от бабушки, выкликнул Матвей.

Мефодьевна развернулась и побежала что было сил. За спиной ударили в землю сапоги ее преследователей; к счастью, те тоже были немолоды и физические их кондиции были далеки от идеальных. Нырнув под пригорок, Мефодьевна затаилась под корягой, где как раз был небольшой просвет для ее тщедушного тельца.

– Алевтина! – зловеще позвал Кузьма. – Мы знаем, что ты здесь! Все равно достанем!

– Осторожно! – предупредил напарника Матвей. – У неё складной нож!

Бабушка сидела, чуть дыша. Единственным выходом для неё было затаиться и ждать, не издавая ни звука – авось пересядет. Рядом проскользнула гадюка, но Мефодьевна сумела не вскрикнуть и не пошевелиться.

«Нет, живой я им не дамся», – подумала она и потянулась к росшей рядом бледной поганке...

(Окончание придумайте сами)

ПРАВИЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

В небольшой кофейне в центре Москвы сидели Он и Она. Он – классический хипстер, который парил арбузную жижку; она – ничем не примечательная девица в экстремальном мини и на шпильках. В кофейню вошёл худощавый, коротко стриженный, со впалыми щеками и фанатичным взглядом человек, похожий то ли на Торквемаду, то ли на Савонаролу, и, несмотря на обилие свободных столиков, подсел к моло-

дой паре.

– Курите, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал он, кивнув на вейп.

– Не курю, а парю, – насторожился хипстер.

– И очень зря. Вред от вашего ... хмм... устройства ещё больше, чем от обычной сигареты. Точнее, он ещё до конца не исследован. Вы же не хотите заполучить рак гортани? Хотя это ваше дело, разумеется.

Он рассеянно повертел в руках салфетку и уставился на большой синнабон, возлежавший у хипстера на блюдечке.

– Довольно коварная вещь. Не советовал бы. Сдобное тесто, глазурь... да ещё и шоколад... просто бомба из калорий! Вот я всегда завтракаю овсяной кашей и кефиром.

– Послушайте, вы вообще кто?

– И чай у вас чёрный, – продолжал незнакомец, не услышав вопроса. – А это кофеин, сердцебиение и все такое. Я рекомендую зелёный.

– Что вам от нас надо? – вступила в диалог девица.

Худошавый инквизитор перевел на неё взгляд. Точнее, на ее бесконечные голые ноги.

– Такая сырость, а вы в мини, – покачал он головой. – Плохо для детородных функций. Надеюсь, на вас не синтетические трусы? – он попытался заглянуть ей под юбку, но без особого успеха, так как девица немедленно взвизгнула и сдвинула колени.

– Вы что себе вообще позволяете?

– Да нет, это вы что себе позволяете? Такие каблуки исключительно вредны для позвоночника. Да и упасть с них можно, вывихнуть лодыжку.

– Может, вы все-таки уйдёте? – хипстер попытался казаться грозным.

– Уйду, – пообещал худощавый. – Но сперва задам один вопрос. Вы ведь наверняка занимаетесь со своей подружкой сексом? А в какой позе? Я спрашиваю просто как медик. Если в позе всадницы, то это чревато травматизмом и переломом сами знаете чего.

Тишайший хипстер вдруг надулся, покраснел и закричал:

– Да пошёл ты на....!

– Грубо, – меланхолично заметил странный пришелец. – Такими словами вы засоряете информационное пространство. Но вы можете и не просить. Мне и так пора.

И, встав из-за столика, с осознанием исполненного долга Геннадий Григорьевич Онищенко четким строевым шагом направился по месту работы, в Государственную Думу.

БРИФИНГ

Дональд Трамп взошёл на трибуну. Он чувствовал себя именинником и лишь самую чуточку волновался. Его лицо от автозагара было коричневым, как шоколадный донат. Глаза и ботинки его сияли.

Огромный зал был набит журналистами, которые размахивали плакатами «Айовщина», «Мичиганщина», «Невыплата пенсий», «Замерзаем на Аляске!»

– Мистер Трамп, – задал первый вопрос журналист Си-Эн-Эн, – вы подтверждаете свои связи с Владимиром Путиным и русской мафией?

– Да нет никаких связей, – разозлился новоиспеченный президент. – Что мне, землю из горшка с цветами жрать?

– Но ведь говорят, вы были завербованы Кей-Джи-Би ещё тогда, когда приезжали в Москву на конкурс красоты...

– Ну, уж это совсем некрасиво, – возмутился Трамп. – Выковырнули информацию из своих гриппозных носов и размазали по бумажкам. Следующий вопрос!

– Газета «Молодой техасец», – поднялся с места пожилой репортёр, – у меня хорошая отечественная машина, Додж Калибер, но у нас в Хьюстоне совсем нет дорог. За что я плачу дорожные налоги?

– А зачем вам машина? – рассмеялся президент. – Доплатите немного и купите вертолёт «Робинсон».

– Журнал «Заря Оклахомы». Как вы планируете назвать свой грандиозный проект по возведению стены с Мексикой?

– Я его придумал, а вы называйте, – подмигнул президент.

– Черно-белый еженедельник «Гетто Детройта». У нас в Детройте растёт преступность, безработица, наркомания... в общем, все плохо...

– Все плохо? А вы у России внешний долг видели? – отшутился президент.

– Господин Трамп, издание «Рыболов Аляски». На рыболовецком сейнере «Залихватский» руководство третий ме-

сяц не платит зарплату. Помогите!

– Замучаются снег глотать, – пообещал Трамп. – Пошлём к ним ФБР, чтоб зачистить эти проблемы.

– Господин президент! А что вы скажете насчёт того, что доллар падает по отношению к рублю? Был 70 рублей, стал 59?

– Представьте, – сказал Трамп. – Мы продаём айфон в Россию за 50 тысяч рублей. Раньше мы получали всего 700 долларов, а теперь целых 830! Значит, денег в бюджете прибавилось!

– Г-господин п-президент, – поднялся с места журналист со следами ДЦП, – м-мы в Канзасе н-начали делать новый н-напиток Трампакола, но магазины н-не хотят с нами р-работать...

– Г-госпядин пьезидент, мы нацляли деять, – смешно передразнил инвалида Трамп. – Ты сам-то не хлебнул этой Трампаколы перед брифингом?

– Все, пора заканчивать, – вмешался пресс-секретарь.

– Господин Трамп, подарите бедной девочке из Чикаго собаку! – отчаянно закричал кто-то с галёрки.

– Я – человек небогатый, – ответил Трамп. – Отказался от президентского оклада. Могу только хомячка!

Усталые, но довольные, журналисты покинули пресс-конференцию.

БЛИЖЕ К НАРОДУ

– Присаживайтесь, господа рыбаки! – попросил Путин,

сам первым уместился на стуле и умильно поглядел на знакомые лица, отчего щелочки его глаз стали ещё уже. – Совершенно неожиданная встреча! Кто б мог подумать! Захожу в храм и вдруг вижу вас, всех двенадцать! Ну, как год выдался?

– Так себе, – ответил рыбак справа с большими накладными усами и взял с блюда пирожок.

– Но лучше прошлого, – вмешался в разговор рыбак слева с отпоротыми с куртки погонами.

– В следующем году будет еще лучше, – оптимистично заметил Путин и с интересом посмотрел на пирожки. – Старожилы говорят, семнадцатый всегда лучше шестнадцатого. Кстати, а какая там начинка?

– Грибы, – пробубнил вислоусый, форсированно жуя пирожок.

Путин отдернул руку.

– Совершенно нет аппетита, – пожаловался он. – Три недели ничего не ем. Хотя стол у вас неплохой. Манго, трюфели, свежая клубника, фуагра. Я думал, новгородские рыбаки живут похуже. А рыба где?

– Так в ноябре Ильмень льдом-то затянуло, – вступила бригадирша рыбаков, симпатичная Лариса. – На месяц раньше обычного. Вот трюфелями и перебиваемся.

– Проклятый Обама, – сочувственно покивал Путин. – Вот скоро придёт Трамп и будет полегче. Терпите.

– Да рыба-то есть, – подмигнул вислоусый и, порывшись в

кармане, выставил на стол жестянку с надписью «Сайра тихоокеанская в масле». Путин с любопытством поглядел на незнакомую надпись.

– Я б чайку испил, – наконец решился он. – В горле пересохло.

– Вот чашечка, – предупредительно сказала блондинка.

– У меня своя, – парировал Путин, вынимая фарфоровую чашку с императорским вензелем и чайный пакетик. В полной тишине он заварил чай своим же кипятком и, блаженно отдуваясь, начал швыркать.

– А где Медведев? – набрался духу кто-то спросить.

– Да разве ж я сторож премьеру своему, – безразлично пожал плечами Путин.

Внезапно ему бросился в глаза совершенно незнакомый рыбак в углу, который с деланным спокойствием смотрел в пол. Путин похолодел.

– Кто это? – наклонившись, спросил он у бригадирши.

– Новичок наш. Стажёр. Младший лейтенант.

– Вы с ума посходили, – зло зашипел Путин. – Стажёра ко мне на встречу. Сворачиваем чаепитие.

По троекратному хлопку НТВ и Первый канал убрали камеры, ассистенты унесли пирожки из папье-маше, а рыбаки стали разбирать фанерные декорации.

– Весной теперь встретимся, – мстительно пробормотал Путин. – Поедете у меня на озеро... рыб кормить!..

ОККУЛЬТНЫЙ ЩЕЛКУНЧИК

Новосибирский губернатор предложил собрать круглый стол для обсуждения балета «Щелкунчик», который митрополит Тихон назвал «окультурной постановкой»

(По сообщениям СМИ)

ДИСКЛЕЙМЕР: этот фельетон никоим образом не призван задеть чувства православных, мусульман, иудеев и буддистов. Это всего лишь литературная шутка.

На объявленном губернатором Новоуральска Вольдемаром Деревенским круглом столе, посвящённом обсуждению «Щелкунчика», кроме режиссёра-постановщика, собрались митрополит Пахом, верховный раввин еврейской общины, главный муфтий города и настоятель пагоды.

– Господа, – сообщил губернатор. – Я собрал вас здесь для того, чтобы обсудить возможность дальнейшей постановки балета «Щелкунчик», который владыка Пахом назвал оккультным.

– И продолжаю называть! – пробасил Пахом. – Бесовщина про оборотней!

– Я вас умоляю, – сказал раввин деликатно, – какая же это бесовщина, если она приносит в городской бюджет такой хороший гешефт. Оно вам надо – трогать этот балет?

– Давайте я хотя бы зачитаю либретто, – взмолился режиссёр.

– Бисмилляхи Рахмани Рахим, – провёл рукой по бороде муфтий. – Приступим с помощью Аллаха!

– Итак, – начал читать режиссёр, – балет «Щелкунчик» по одноимённой сказке Гофмана...

– Еврея? – встрепнулся муфтий.

– Вы нам льстите, – ухмыльнулся раввин. – Он немец.

– Аллаху акбар! – облегченно выдохнул муфтий.

– Композитор – Петр Ильич Чайковский...

– Содомит! – гневно крикнул владыка.

– Вы это мне? – удивился режиссёр.

– Нет, это я ему. Продолжайте!

– Действие первое. Рождественская ёлка в доме советника

Штальбаума...

– Еврея! – торжествующе заключил муфтий и обличительно взглянул на раввина.

– Может быть! Наши люди есть везде, – философски сказал раввин. – Читайте дальше.

– Погодите! – вмешался муфтий. – Ёлку надо убрать. Ёлка – это исраф, бесполезная трата денег. И покупают ее только масрифы!

– А вы что молчите? – спросил губернатор у буддиста.

– Пусть будет елка, – согласился буддист спокойно. – Елка – это Будда. Все на свете есть Будда. Оммм...

– Давайте-таки оставим ёлочку, – поддержал его раввин. – Только справа пусть будет небольшая менора. И все гости будут кушать халу, макать ее в мёд и пить вино, чтоб они были здоровы!

– Вино – это харам! – разозлился вдруг муфтий. – Пусть

пьют зелёный чай и прыгают через костёр. Навруз должен быть Наврузом.

– Стойте-стойте! – замахал руками режиссёр. – Так мы никуда не продвинемся. Словом, крестный отец Дроссельмейер дарит девочке Мари деревянную игрушку, Щелкунчика. Приходит ночь и Щелкунчик оживает...

Владыка Пахом перекрестился.

– Субханаллах! Его заколдовали джинны и сам Иблис! – суеверно ужаснулся муфтий.

– Я же говорил, что это наша еврейская сказка про Голема, – пожал плечами раввин. – Когда не могут придумать своё, то крадут у бедных евреев.

– Щелкунчик тоже есть Будда, – меланхолично заметил настоятель пагоды.

– Но из-под пола появляются мыши во главе с Крысиным королём, – продолжал читать режиссёр. – Они коварно нападают на Щелкунчика!

– Мыши – это не свиньи, – заметил муфтий. – Это халяль! Можно.

Раввин хотел сравнить нападение мышей с ХАМАСом, но посмотрел на муфтия и передумал.

– Все верно, – сказал буддист. – Девочка должна страдать. И Щелкунчик тоже. Жизнь есть страдание.

– Щелкунчик собирает войско из оловянных солдатиков и отражает атаку мышей...

– Мне этот балет не нравится, – кротко заметил буддист. –

Слишком воинственный.

– Так ведь надо было покарать неверных, – возразил муфтий, задумавшись о чем-то своём.

– А почему он не попробовал с ними договориться? – пожал плечами раввин. – Можно было бы недорого предложить им какие-то подарки с ёлки.

– Есть отличная опера «Рождество», которую написала матушка Ираида, – примиряюще сказал владыка. – Ее и надо ставить вместо «Щелкунчика».

– Только переименовать, – предложил муфтий. – В «Православный Навруз».

– Если в третьем действии там будет обряд ташлих, то я не против, – развёл руками раввин.

– А мне уж и подавно все равно, – проснулся буддист. – Оммм...

На все это со стены безмолвно взирал портрет Пётра Ильича Чайковского. В свете люстры на мгновение показалось, что по его щеке прокатилась слеза.

НА ДНЕ

Фёдор Конюхов и Артур Чилингаров заявили, что в 2018 году планируют опуститься на дно Марианской впадины и оставить там российский флаг и православный крест.

(Из сообщений СМИ)

Когда над головой путешественников Щелингарова и Понюхова с грохотом захлопнулся люк, Фёдор осенил себя

крестным знамением.

– Господи! – сказал он с горечью. – В самую преисподнюю спускаемся! Я, конечно, море люблю, полжизни там провёл. Чего только не бывало! В крайнюю мою ходку в шторм попал, три недели по волнам носило. Все продукты кончились. Пришлось ботинки сварить. Умял за милую душу! А когда и ботинки съел, то за шнурки принялся.

– Ну и как? – спросил Щелингаров с любопытством.

– Как макароны! Сварил и на дуршлаг откинул! Попробовал – не уварились! Ну, я их обсосал и в холодильник. Вроде и полегче в желудке стало. Так и питался неделю, пока меня круизный теплоход не подобрал. Достану, оближу и на место.

Он зажмурился, вспоминая те нелегкие героические дни.

– Фёдор! – позвал его Щелингаров негромко.

– Ась? – встрепнулся Понюхов.

– Я давно тебя хотел спросить – как ты там без бабы обходился?

– Неправильные вопросы ставишь, – покачал головой знаменитый пилигрим. – Это у бабы моей надо спрашивать, как она без меня. А меня от грешных мыслей псалтырь отвлекал. И глобус. Как совсем туго станет, раскручу его, пальцем ткну и думаю: «Ого, острова Паумоту! Вот здесь-то я ещё и не бывал! Не время тебе, Фёдор, помирать!»

– Фёдор! – опять окликнул полярник друга.

– Ну, што тебе?

– А ты знаешь, что я с собой ящик коньяка прихватил?

Мы ж на дне собрались три дня просидеть. Я на пресс-конференции так и сказал – мол, задержимся во впадине для исследовательских целей. А ты сам подумай – чего там на дне исследовать? Татьяна-то моя выпить особо дома не решает.

Некоторое время они сидели в тишине.

– Артур, – вдруг сказал Фёдор. – А ты сам-то как без бабы в Антарктике был?

Жизнерадостный Щелингаров засмеялся, что-то вспомнив, и зашептал Фёдору на ухо, хотя, кроме них, никого в батискафе не было.

– Ты што? – поразился Понюхов. – Это ж пингвин! Это ж божья тварь! Нешто можно так!

Он даже чуть отодвинулся от Щелингарова, хотя внутреннее пространство батискафа этого особенно не позволяло.

– Ну пингвин же, – обиженно сказал полярник. – Не крокодил, и ладно.

Чтобы поднять свой тонус, Щелингаров достал первую бутылку коньяка, вытащил пробку зубами и сделал большой глоток. Глаза его потеплели.

Судя по показаниям глубиномера, прошли отметку в две тысячи метров. Вдруг корпус батискафа сотряс мощный удар, затем ещё один.

– Кракен! – закричал Щелингаров, и от ужаса сделал ещё несколько глотков из горлышка. – Чудище морское!

Меж тем кракен или тот, кто его напоминал, продолжал

тарабанить по стенкам батискафа. Затем он обвил щупальцем аппарат и начал мотать его, как игрушку.

– Это за грехи наши наказание, – смиренно забормотал Понюхов. – Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня.

– Хватит тупить! – взревел Щелингаров, – включай фары! Мощный сноп света испугал морского пришельца и тот, отпустив батискаф, ринулся куда-то в глубокую расселину.

– Уфф! – присел на пол Понюхов. Ноги его внезапно ослабли. – Дай мне, Артур, тоже коньячку.

Примерно через пять часов глубиномер показал, что наши герои недалеко ото дна. Щелингаров снова включил проектор, чтобы осмотреться. Фёдор готовил флаг и крест, которые предполагалось оставить на дне впадины.

– Американцы! – душераздирающе крикнул Щелингаров. – Вижу их батискаф звездно-полосатый! опередить нас решили! Не выйдет! Иду на таран!

Он завёл гребные винты и бросился наперерез конкурентам. Понюхов козлиным голосом сперва затянул псалом, а потом песню про Варяг. До гибели легендарного экипажа оставалось всего несколько секунд...

Фёдор Понюхов в ужасе проснулся. Ему стало ясно, что все это просто пригрезилось и на самом деле он лежит в куб-

рике своей яхты, которая тихо и мирно дрейфует по Атлантике куда-то в сторону Багам. Он с облегчением выдохнул, прошлепал к холодильнику и достал варёные шнурки.

«Попробую с кетчупом, авось, проскользнут», – подумал Фёдор оптимистично.

На душе у него стало тепло и хорошо.

ОХОТНИКИ ЗА ПАРМЕЗАНОМ

Ульяновский суд признал испанский онлайн-магазин по продаже хамона экстремистским сайтом, угрожающим безопасности России.

(Из новостей)

Майор полиции Пуздрич открыл банку дешёвого шпротного паштета, серого и вязкого, как цемент, и, орудуя ножом словно мастерком, начал шпатлевать и разравнивать деликатес на куске ржаного украинского хлеба. Поверх паштета он тщательно уложил кружочки тепличного огурца (в кабинете немедленно запахло свежескошенным сеном), а затем украсил конструкцию слаломной трассой из майонеза. Удовлетворившись полученным, он приступил к трапезе.

Его подчиненный, лейтенант Оялин, в это время сражался с раскалённой сарделькой, только что из микроволновки. Он вспорол её брюхо точным ударом вилки, а она в отместку прицельно плюнула в него горячим соком из своих внутренностей. Пуздричу сарделька напомнила какого-то обитателя морских глубин, голотурию, которая активно защищается при нападении и готова дорого продать свою жизнь.

Завтрак офицеры запивали сладким чаем из граненых стаканов. ОВД города Верхние Ямки и Российские железные дороги – вот, пожалуй, два последних места на планете, где ещё использовались подстаканники.

– Гада одного выследили, – с набитым ртом промямлил Пуздрич, – с нелегальными веществами. Ты про хамон что-нибудь слышал?

– Это фараон какой-то? – глуповато уточнил лейтенант.

– Сам ты фараон! Испанская свинина вяленая. Страшная вещь, доложу тебе. Сам я, конечно, не пробовал, но мы допрашивали тех, кто подсел. Берётся сперва тонкий ломтик, кладётся под язык, как марка с кислотой, и посасывается. Постепенно человек впадает в необоснованную эйфорию, у него резко подскакивает настроение, он начинает дурачиться, шутить, размахивать руками. Затем пациент хамон проглатывает, и у него начинается мощный приход. Говорят, это как двадцать гастрономических оргазмов подряд. Когда действие хамона проходит, человек становится вялым, впадает в депрессию; или наоборот, буйным, агрессивным, лезет драться. Ради новой порции хамона он готов воровать, убивать, заложить что угодно. Теперь ты понял, какая это опасная вещь?

– Да вы что! – побледнел Олялин, застыв с сарделькой на вилке.

– Я тебе точно говорю! Но есть дурь и покруче! Это пармезан. Может быть, про него ты и знаешь. У него много си-

нонимов – рассыпуха, пыль, чума, итальянский белый...

– А почему рассыпуха?

– Потому что некоторые извращенцы для лучшего прихода втирают его прямо в дёсны или в макароны.

– О господи! – побледнел Олялин.

– Так вот, мы выследили, что наш подозреваемый получает и то и другое посылками из Европы. Килограммов по шесть. Ты представляешь, сколько там стоит один грамм, и какие деньжищи он делает на этом! Наверняка он берет такие количества не себе, а на продажу. Я примерно представляю себе эту схему. Продают хамон и пармезан через сложную систему закладок, сперва покупатель оставляет деньги в тайнике, а потом курьер их забирает и кладет туда же дурь. Общение строго через смс, никаких звонков. Говорят, чтобы подсадить на пармезан, первую дозу человеку дают бесплатно. А через полгода он уже и не человек вовсе, а жалкий креакл... бросает следить за собой, отращивает бороду, начинает подворачивать штаны. Есть те, кто машину свою продаёт, а самокат покупает. Конченные люди. Мы давно за этим грязным бизнесом следим. Некоторые неосмотрительно хвастаются, выкладывают кусочки хамона в социальные сети, но это все, как правило, мелкие потребители. А сегодня мы, наконец, вышли на крупную рыбу. Пробыли его по ай-пи. Едем брать!

– Куда, на почтайт?

– На почтайт не надо, людей напугаем. Прямо домой!

Офицеры быстро допили чай и выехали по записанному у них адресу. Майор остановился у ничем не примечательной двери и троекратно позвонил. Лейтенант, приготовив пистолет, замер поодаль.

– Кто там? – раздался голос изнутри.

– Соседка сверху, – пропищал Пуздрич. – Вы нас затапливаете.

Когда дверь доверчиво распахнулась, офицеры пулей влетели в квартиру. Лейтенант уложил дилера на пол и надел наручники, а майор ринулся к холодильнику. Торжествуя, он вытащил оттуда большой кусок хамона.

– Вот! То, что мы искали! Эх, парень... что же ты... такой молодой, а всю жизнь себе сломал... Ну что, собирайся, едем в отделение. И вещдоки прихватим. Только это... Олялин... ты смотри, не вздумай пробовать хамон... его специальный трактор на полигоне потом уничтожит...

ОПАСНОЕ ЗАДАНИЕ

Министр иностранных дел Сергей Лавров заявил, что некоторые американские дипломаты переодевались жёнщинами и принимали участие в российских оппозиционных акциях.

(По сообщениям СМИ)

Джон Ф. Никербокер и Сэмюэл Л. Хитчхайкер, сотрудники американского посольства, наряжались для участия в оппозиционном митинге в центре Москвы. Никербокер натягивал чёрный чулок с кружевами, а Хитчхайкер, сделав губы

куриной гузкой, наносил на них коралловую помаду.

– Наш босс окончательно сошёл с ума, – вздохнул Никербокер, – придумывает такие странные задания. И очень разорительные: приходится все эти женские штучки покупать на свои кровные. А чулок не напасешься; видишь, уже стрелка побежала. Рвутся один за другим.

– Есть хороший способ, – невозмутимо сказал Хитчхайкер, закончив макияж и спрятав тубик в клатч. – Я вычитал на русском женском форуме. Эти русские, конечно, странные ребята, но иногда голова у них работает что надо. Сразу после покупки кладёшь чулки в морозильник на пару часов и они становятся куда более прочными. А стрелку можно остановить, если капнуть на неё лака для ногтей.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Никербокер. – А какой ты lipstick предпочитаешь?

– Sisley, – сказал Сэмюэл уверенно. – Он заодно ухаживает за губами.

– Не знаю, – подал плечами Джон. – Мне больше нравится Guerlain, он придаёт объём и фактуру. Ты ноги, кстати, чем бреешь?

– Я не брею, я пластырь использую, – поморщился Хитчхайкер. – Больно, конечно, но что поделать. Зато эффект! А вообще, вот тебе мой совет, выпиши Cosmo. Там дельные советы встречаются.

– Мдааа, – протянул Никербокер. – Не нравится мне все это. Чувствую себя, словно милашка Тутси. Представляешь,

вчера жена нашла у меня в тумбочке полную женскую амунизию. Трусики, лифчик, туфли на каблуках. Какой скандал был, ты не представляешь! А я ей и объяснить ничего не могу – задание-то секретное. Ладно, пусть думает, что у меня есть гёрлфренд из местных.

– У меня было хуже, – вспомнил Хитчхайкер. – На прошлой неделе я стоял у зеркала в ванной и примерял новый комплект женского белья. И вдруг заходит моя двенадцатилетняя дочь. Сразу глаза по серебряному доллару. «Ты что, – говорит, – делаешь, дэдди?» «Дарлинг, – отвечаю я ей, – это не то, что ты думаешь. Подрастешь – я все объясню». Кажется, так и не убедил. И вот что она теперь думает о своём папочке?

– Безвыходное положение, – пожаловался Никербокер. – Один раз я забастовал, мол, не буду больше переодеваться и все. Так босс на месяц перевел меня на самую грязную работу. Я вывинчивал лампочки в московских подъездах, крал канализационные люки по ночам, выламывал плитку на тротуарах. Бывало, что и кнопки в лифтах жёг. Так что брить ноги – не самый скверный вариант.

– Ты лучше подумай, что довелось испытать Эбигейл М. Чизбургер, блондинке из второго отдела. Наш больной ублюдок заставил ее переодеться мужчиной-сантехником и нанести визит к Мэри Захаровой из МИДа. Эбигейл пришлось монтировать видеокамеру у Мэри в душе и целый месяц вести потом наблюдение. Ждала, пока раскроются какие-то го-

сударственные тайны.

– Раскрылись?

– Нет, – вздохнул Хитчайкер. – За весь месяц Мэри в душе так и не появилась.

– Да много, много наших работает в городе. Видел человека-пончика, который на углу всегда рекламирует лучшую московскую пышечную? Думаешь, он зря там стоит?

– Что, неужели и он?

– А ты думал...

– Ну, дела. Но хуже всего пришлось Моргану Э. Писмейкеру. За какую-то провинность бедолагу сослали в Иркутск торговать боярышником. Правда, операцию он выполнил блестяще, ждёт возвращения обратно.

– Ну что ж, ближе к делу. Через полчаса начинается митинг, нам пора. Ты печеньки взял?

– Разумеется. Они как бы с предсказаниями, но там на бумажках вместо предсказаний написано «Путин – вор!», «Не забудем, не простим!» И так далее. Все же мистер Обама – это голова.

– Только давай в этот раз на такси. Хватит уже метро. В прошлый раз в вагоне, в толчее, какой-то грубый мужлан схватил меня прямо за ягодицу.

– И что же здесь ужасного?

– Ужасно, что мне это понравилось, – грустно протянул Никербокер.

БЛОКБАСТЕР

В комнате для совещаний Первого канала сидели Константин Эрнст, продюсер Анатолий Максимов, режиссёр Андрей Кравчук и почему-то Данила Козловский.

Обсуждался сценарий нового фильма о Малюте Скуратове, на который по сусекам, с горем пополам, из бюджета наскребли миллиард рублей, двадцать миллионов долларов и два мешка венесуэльских боливаров, которые Николас Мадуро отдал российским братьям за ненадобностью.

– Название! – мягко, но строго глянув на собравшихся, сказал Эрнст. – Нам нужно хорошее название, которое, как известно, половина дела.

– «Волхв»! – неожиданно вмешался Максимов.

– Почему «Волхв»? – обомлели все.

– А почему прошлый фильм назывался «Викинг»? Помому, ничуть не хуже.

Эрнст отмахнулся.

– Кудесник... Фарисей... Богоборец... Чревоугодник... Проныра... – раскачиваясь, бормотал Максимов случайные слова. Сидевший рядом с ним Козловский заткнул уши, чтобы не слышать.

– Итак, синопсис, – бодро продолжил Эрнст. – Простой паренёк Григорий Скуратов-Бельский а.к.а «Малюта» встревожен тем, что царя окружают заговорщики и пятая колонна. Он приходит к Ивану Грозному и говорит: «Надежа царь! Челом тебе бью! Доверь мне борьбу с супостатами!»

Максимов поморщился, как от незрелой хурмы.

– Наше кино будет не для историков, а для обычного быдла, такого, как мы с вами. Говорить надо попроще. Например: «Васильич, если будут проблемы, ты нам свистни, мы сразу подъедем с мужиками с Уралвагонзавода...»
Прошу прощения, просто с мужиками. Грозный немедленно замечает толкового паренька и делает его своим полномочным представителем. И тот возглавляет тогдашнюю ФСБ – опричное сыскное ведомство. Следующая сцена: талантливый Малюта гусиным пером набрасывает логотип новой службы – переkreщенные собачью голову и метлу. Лого закажем в студии Артемия Лебедева.

– Актёров нет на главные роли, – пожаловался режиссёр.

– Как это нет? – оскорбился Эрнст. – Широка и богата людьми земля русская. Вот же сидит Данила Козловский. А Безруков? А этот самый... как его... Козловский? Я уж и не говорю о Безрукове!

– Бондарчук! – подал голос Максимов. – На роль Грозного! У него вполне безумный вид! А Безруков будет его сыном, которого он убьёт. Думаю, он это сделает с удовольствием.

– Получается, Козловский – Малюта? – методом исключения догадался Эрнст. – Хорошо, что у него осталась ещё борода после «Викинга». Данила, не сбривай!

– Я не буду играть отрицательных персонажей! – капризно заявил Данила. – Хочу сыграть хипстера в современном сериале!

– А кто тебе сказал, что он отрицательный? – изумился Эрнст. – Да, были перегибы на местах. Была некая молодая горячность. Но в целом-то вектор правильный! Итак, сцена первая... «Скуратов отправляется к богатому боярину, чтобы разграбить его дом». Эх, кто ж такой сценарий-то дебильный написал? Не разграбить! Изъять излишки в государственную казну! Или даже не так! Оптимизировать налогообложение. Так их, олигархов этих! В общем, оптимизировав имущество, скотину, меха и зерно, Малюта отбирает у боярина дочь для царского блуда...

В комнате повисла зловещая тишина.

– Какого ещё блуда! – возопил Эрнст. – Что за идиотизм! Не отбирает, а отправляет на кастинг! На должность личного секретаря!

Он схватил ручку и зачеркнул несколько абзацев, в ажитации продырявив бумагу кончиком пера.

– Далее. Малюта едет к опальному митрополиту Филиппу получить его благословение для Грозного на штурм Великого Новгорода. «Благословляют только добрых на доброе, – говорит Филипп. – Не обманывай меня, испрашивая дар Божий». Тогда Малюта набрасывается на митрополита и душит его подушкой. Мдааа... Это ж какой национал-предатель такое сочинил?

– Карамзин! – быстро ответил Кравчук.

– Двухешку бы ему выписать... да жаль, что помер. Ну и заварили кашу... митрополит, подушка... как теперь это

расхлебывать?

– Сделаем по-другому, – заговорил сообразительный Максимов. – Отвечает ему Филипп: «Нет, не могу я благословить царя. Грешен аз и бестолков. Задуши-ка меня за это подушкой».

– Вот так будет лучше! – одобрительно покивал Эрнст. – А ещё лучше – самоубийство! Филипп сам ей задушился.

– Заключительная сцена важна, – сказал Максимов. – Малюта ж погиб в битве со шведами. Надо это сделать очень трогательно. Все рыдают. Соратники Малюты, зрители, даже шведы, когда его убивают. Смертельно раненый стрелой навывлет Скуратов поднимается во весь рост и говорит: «Патриотизм, самодержавие, духовность! Вот на чем стояла и стоять будет земля русская! Я верю – на смену мне придут Аракчеев, Бенкендорф, Берия и Андропов! Поэтому я легко выпускаю дух!»

– Гениально! – замороженно сказал Эрнст, что-то черкая в блокноте. – Аракчеев и Берия. Вот и идеи для следующих фильмов.

– Берию играть не буду, – вновь надулся Козловский.

– Бондарчук сыграет, – подмигнул Эрнст. – Он тоже лысый.

ПРАЗДНИК К НАМ ПРИХОДИТ

Слесарь-сантехник Егорычев рано утром вышел из дома на улицу своего родного города Верхние Ямки. Улица была необычайно нарядной. Полоскались на ветру разноцвет-

ные флажки, громкоговоритель на столбе изрыгал бодрые призывы, работала мини-ярмарка. Румяные девушки продавали столь же румяные блины. Егорычев купил один блин в леопардовых пятнах припека, щедро политый топленым маслом, и задвигал челюстями. На сердце у него разливалась чистая, беспримесная радость.

Чуть поодаль, в три яруса, выстроился районный народный хор, который, не пугаясь январского ветра, распевал здравицы новоизбранному президенту Дональду Трампу.

Между прохожими на своей тележке сновал местный безногий, выпрашивая подаяние.

– Ради светлого праздничка! Ради инаугурации Трампушки нашего! – изменил он обычный текст. Подавали ему бойко.

На одном из лотков предприимчивая старушка торговала иконами с ликом сорок пятого президента. Они выгодно выделялись среди товаров конкурентов – футболок, постельного белья, кружек и блюдец, с которых радостно скалился рыжий миллиардер.

– Прикладываешь, значит, к больному-то месту, – словоохотливо поясняла бабушка желающим, – хворь-то как рукой и снимет! А завтра святую Меланью завезти обещали!

– Маловаты иконки, – нахмурился мужчина в шапке из енота, – метр на метр нету? Ну, хай так, давай сразу три – мне, сестре и теще.

– Водичка ещё есть заряженная, – услужливо залопотала

старушка. – Прямо с телевизора заряжала, во время церемонии.

– Ну, беру пузырёк на пробу, – махнул рукой человек в шапке.

Взяв фанфурик из рук пенсионерки, он тут же, в два глотка, осушил его до дна.

– Эх! До печёнок продирает! – радостно вскричал он. – Куда там боярышнику!

«Из местного ЗАГСа сообщают, – заскрипел громкоговоритель. – Все младенцы мужского пола, родившиеся вчера, получили имя Дональд, а женского – Иванка. Кроме того, зарегистрирована одна Инаугурация».

Егорычев вспомнил, что он опаздывает на работу. Он вскочил в подъехавшую маршрутку и стал искать двадцать рублей.

– Чего уж там! – заметив его старания, сказал водитель. – Бесплатный сегодня проезд! День-то какой, грех с людей деньги брать!

Выйдя на своей остановке, Егорычев бодро вошёл в ЖЭК.

– Домой иди! – даже ничего не став объяснять, ослабил начальник. – Выходной я сегодня объявил! Прими за Трампа сто граммов!

– А если трубы у кого лопнули или кран потек? – не понял Егорычев. – Что людям-то делать?

– Потерпят денёк! Чай, не баре! Тоже понимать должны... Егорычев подал плечами и отправился домой. Придя в

квартиру и сев за кухонный стол, он призадумался. Чувства переполняли его. Выдрав лист из тетради сына, он взял изгрызенную пластмассовую ручку и стал писать письмо:

«Дорогой товарищ Трамп!

Пишет вам Егорычев Виктор, простой рабочий из России. Живём мы хорошо, чего и вам желаем. Вот только бы зарплату чуть прибавить и асфальт во дворе починить. Обещайте, что поспособите... на вас вся надежда...»

Закончив письмо, он заклеил его языком и положил под клеенку, наказав себе завтра обязательно отправить.

Жизнь налаживалась...

ДЕРЕВО БУБИНГА

Это было лет шесть назад, когда я издавал глянцевого журнал о светской жизни. Конечно, той светской жизни, какой она может быть в Новосибирске. Как раз ударил предыдущий финансовый кризис, и бюджеты у рекламодателей стали стремиться к нулю. Из середины девяностых возник призрак коммунизма (зачеркнуто) бартера. Бартер порой был нужный, порой ненужный, а порой – удивительный. Так, например, позвонил нам в редакцию как-то открывшийся недавно крематорий и предложил рекламироваться по взаимозачету.

– Какой же здесь может быть взаимозачет? – спросил я с недоумением.

– Обыкновенный, – ответили на том конце провода. – Вы ставите нашу рекламу, мы кого-нибудь из вас сжигаем.

– Но у нас все еще живы, – на всякий случай предупредил

я.

– Это пока, – оптимистично ответил невидимый собеседник.

Но речь пойдет про хороший, годный бартер. Филиал одной московской прокатной конторы сделал нам оферту – менять рекламные услуги на аренду их авто с водителем. А авто, надо сказать, были крутые. Десять новеньких, вальяжных Крайслер-300С (или в просторечии у автолюбителей «Караси») были только что куплены в автосалоне для свадеб, трансферов и прочих мероприятий. Большую часть времени они стояли на приколе, так как услуга была еще не раскрычена. Поэтому один «Карась» закрепили на время за нашей редакцией.

Приезжал на подписание договора сам генеральный директор, мужчина столь же роскошный, как и его автопарк. Звали его Олег Аркадьевич. Привыкшие к небрежному бардовскому стилю сибирских мужчин, растянутым свитерам и стоптанным башмакам, мы с почтением взирали на его шелковое кашне и запонки, невиданное кашемировое пальто и сияющие лаком оксфорды. Олег Аркадьевич отличался необыкновенной учтивостью, улыбочивостью и в то же время умением вывернуть любое сотрудничество в свою пользу. За это он даже удостоился от нас прозвища «Хитрожов».

На следующее утро, даже без минуты опоздания, «Карась» был подан к подъезду.

Ах, какой это был экипаж! Больше похожий на неболь-

шую яхту и внешне и в движении – даже на самых суровых ухабах он лишь чуть покачивался. Руль был декорирован каким-то дорогим деревом – в каком-то автожурнале я прочитал, что в вип-автомобилях часто в отделке используется дерево бубинга. Да, это была бубинга. Определенно бубинга. Мягчайшая изумрудная подсветка успокаивала. В самых обычных, не цифровых часах на приборной панели, с их размеренным тиканьем, было что-то викторианское. Не хватало только ключика, чтоб их заводить. Кожаные сиденья скрипели и остро пахли.

Нокаутирующим ударом был сам водитель. Краснощекий, жизнерадостный молодой человек в белой рубашке и красном галстуке предусмотрительно распахнул мне дверь, а затем уже уселся сам. Об румянец его можно было прикуривать, а о накрахмаленные манжеты – порезаться. Юноша дотронулся до ручки магнитолы, и мы покатались под звуки Моцарта.

Клиенты, мягко говоря, офигевали, когда за какой-то мелочью мы приезжали на столь внушительном седане. Если на выручке это впрямую и не отразилось, то рейтинг нашего журнала подскочил невероятно.

Так прошел месяц. И в один прекрасный день вместо столь чудесного «Крайслера» к нам приехал уже менее прекрасный пурпурный внедорожник «Додж», внутри которого погромыхивал дешевый пластик. Олег Аркадьевич, которому мы позвонили, что-то проямлил про то, что «Край-

слер» занят, а по договору мелким шрифтом предусмотрена замена одной марки машины на другую в форс-мажорных обстоятельствах. Пришлось согласиться. Водитель уже был другой, он не выглядел как манекен с модной витрины, да и Моцарта он не слушал, предпочитая шансон. Еще через месяц «Додж» под сурдинку заменили на крохотную «Тойоту Витц», а потом на Жигули – «пятерку», которую водил лудоман и алкоголик Василий, всю свою зарплату просаживавший в игровые автоматы. Одна дверь «пятерки» не закрывалась, а боковое стекло не опускалось.

В последнюю свою поездку Василий попытался у меня занять денег, а когда не удалось, впал в меланхолию и всю дорогу не разговаривал.

Утром мы узнали, что он повесился.

Позже и сам Олег Аркадьевич, к сожалению, умер от рака. Так и закончилось наше сотрудничество. Но недостижимый «Крайслер» я помню до сих пор.

КАК Я ИЗДАВАЛ ПОДПОЛЬНУЮ ЛИТЕРАТУРУ, А ПОТОМ УШЕЛ ОТ СПРАВЕДЛИВОГО СУДА

Дело было летом 2000 или 2001 года, точно не скажу. Я работал в очень тогда популярной и самой толстой за пределами Москвы (200 страниц) рекламной газете. Немного вспомнив свое профильное радиотехническое образование, я вел рубрику, где писал о новинках связи, видеонаблюдения, сигнализации и пр. Сам же продавал туда рекламу, в общем, как-то выкручивался.

И вот в одной пейджинговой (еще помните, что это такое?) компании мне предложили делать ежемесячный рекламный вкладыш в газету под названием «Пейджер и я». Наскоро набросав план тем, я выставил компании счет, написал статьи и уже через пару недель газета вышла с замечательной глянцевой вставкой, правда, на одном листе. Гордый делами рук своих, я пребывал в эйфории, пока вдруг не получил приглашение явиться в Главное управление МВД России по Новосибирской области.

Честно сказать, я был весьма озадачен. Ничего криминального во вкладыше не содержалось, кроме, может быть, плоских анекдотов в конце газетки, но ведь это не такое уж и серьезное преступление.

В указанный день и час я уже стоял на первом этаже мрачного серого здания, которое, наверно, еще помнило, как в 1937 году туда водили на допрос товарища Эйхе и других выдающихся сибирских партийных деятелей. Место, где я находился, я бы сейчас назвал ресепшеном, но тогда я просто не знал этого слова.

Дежурный без особого интереса выслушал мою сбивчивую речь и сказал: «Ааа, это вам к полковнику такому-то. Звоните вот по этой вертушке».

Дело накалялось и принимало серьезный оборот. Мной занимается целый полковник! Ему надо звонить по какой-то таинственной вертушке! Делать нечего. Позвонил.

Через пять минут тот самый полковник спустился, ухва-

тил меня цепким взглядом и первым делом спросил:

– Сотовый с собой?

– Да! – вздрогнув, ответил я. У меня, как у заврубрикой связи, была модная по тогдашним меркам экипировка: сотовый таксофон (были и такие, только на исходящие звонки) и крутейший четырёхстрочный пейджер NEC. Со всем этим добром на поясе я чувствовал себя как тexasский рейнджер с двумя кольтами.

– Выключите немедленно! – скомандовал полковник, озираясь.

Видимо, боялся, что я начну прямо отсюда сливать информацию куда-то на радио «Свобода». Я выключил, не спорить же.

– Идите за мной! – распорядился офицер. Мы пошли по широкой лестнице, покрытой такой пыльной красной ковровой дорожкой, которую я видел впоследствии только в галерее Уффици во Флоренции. Огромный бюст Ленина между первым и вторым этажом взирал на меня укоризненно и печально – как, мол, ты дошел до жизни такой?

Когда мы зашли в кабинет к полковнику, в глаза сразу бросилась моя многострадальная газетка, лежащая у него на столе. Не сомневаюсь, что некоторые места были отчеркнуты там красным карандашом с пометками NB!, Sic! и «архиважно».

Полковник уселся в кресло и взял в руки «Пейджер и я».

– Так, – сказал он глубокомысленно. – Так-так. Так-так-

так.

Я испугался, что четырёхкратной серии «так-так-таков» уже не выдержу и кашлянул.

– Зачем вы это сделали? – сказал полковник ледяным голосом.

– Что?

– Вот это вот. То, что вы видите?

– Что я вижу?

– Ну вот смотрите, это что?

– Это вкладыш.

– А это?

– Это заголовок.

– А ниже?

Разговор стал напоминать двух дебилов из миниатюры Жванецкого.

– Это номер газеты в газете. Номер один. А в чем дело?

– А где же СКВОЗНОЙ номер? – зловеще прошипел полковник.

– Какой-какой?

– Сквозной. Вот тут на обложке вашей газеты стоит номер 337. Он же должен стоять и на вкладыше. Иначе получается что? Вы занимались нелегальным выпуском отдельного издания без лицензии.

Словно фокусник, он достал бланк протокола и начал, усердно сотрясая стол, заполнять его. Когда он придвинул бланк ко мне, я похолодел. Оттуда, кривляясь и высовы-

вая язык, тарасились обороты вроде «самовольное распространение незаконной печатной продукции» и «умышленные факты нелегального предпринимательства».

– Я далеко не согласен с такими резкими формулировками, – робко заметил я. – Я не подпишу.

– Если вы не подпишете, – отчеканил полковник, – то все будет гораздо, гораздо хуже.

Я не знал, куда уже хуже, потому что, судя по формулировкам, мне и так грозил, как минимум, расстрел. Но на всякий случай вздохнул и подписал.

Тут случилось удивительное. Полковник вдруг сменил тон и стал вкрадчивым.

– Вот вы же пишете о мобильной связи?

– Ну да!

– Возможно, вам попадутся факты продажи средств связи без лицензии. Или серой техники без растаможки. Вы нам сообщите об этом!

Я удивился. Мне предложили стукнуть на кого-нибудь и при этом даже не посулили ничего взамен. Даже протокол этот не пообещали порвать.

– Разумеется, – сказал я бодро. – Как только я наткнусь на факты продажи средств связи без лицензии или серой техники без растаможки, я немедленно сообщу вам. Я могу идти?

– Да! – сказал полковник железным голосом. – Вам надо будет явиться в райотдел милиции на Мичурина в понедельник в 8 утра, где вас под конвоем доставят в суд!

Назревал, судя по его тону, второй процесс Бродского с высылкой сперва в Вологду, а потом в Америку.

Я вздохнул, попрощался и, как человек законопослушный, явился в понедельник в 8 утра на Мичурина. Там никого не было. Сидела одна бабушка на вахте и вязала.

– Тут должен быть конвой, – путано объяснил я бабушке, чувствуя себя идиотом. – Меня в суд должны доставить за правонарушение. Вам должны были протокол передать...

– Нет у меня твоего протокола, – сказала бабушка, не отрываясь от вязания, – иди на Серебренниковскую и ищи... мабуть там, перепутали опять все, аспиды.

Так как я еще не дошел до той степени белой горячки, чтоб самому на себя искать протоколы, я пошел на работу, а потом домой.

Больше мне не звонили и меня не искали.

А папочка с моим делом наверняка до сих пор пылится у товарища полковника.

ДРУГАЯ ПЛАНЕТА

Как-то раз в Новосибирск приехал Гришковец с моноспектаклем «Планета». В то время модное имя этого драматурга гремело по городам и весям. Огромный театр был переполнен. Мне по большому благу, как главному редактору журнала, дали пригласительный на один из приставных стульев. Жара, гул, духота, лето. Публика обмахивается программками и утирает лбы.

На сцену вышел Гришковец. Скромная декорация изоб-

ражала фанерную стену с окном. Из окна выглядывала женщина, что уже автоматически превращало моноспектакль в дуо (или би?)спектакль.

В руках у Гришковца были березовые ветки. Он начал интенсивно размахивать ими, что-то символизируя.

– Окна ... их так много! Города разные, а окна одинаковые, – сообщил Гришковец публике интимным картавым баритоном, как будто открывая нечто новое. – Идешь вечером по улице, вокруг много окон. Они все теплые, особенно если зима. Но на окна обычно не смотришь, когда идешь по улице. Обычно смотришь себе под ноги, чтобы не наступить в лужу или в грязь... или еще чего похуже. Вообще, обычно смотришь под ноги. А вокруг окна. Окна. А если заглянуть во двор... В какой-то двор, там окна кажутся меньше, потому что они дальше.

Публика зачарованно замолчала, впитывая эту новую для себя истину. Я тоже наострил уши. Ведь если писатель начал спектакль с такого мощного постулата, то дальше наверняка будет еще круче.

– А женщина в окне... А что она может делать там, за окном? – вопрошающим тоном обратился Гришковец в зал. Я тоже призадумался. Что? Бог ее знает, эту женщину. Женщины вообще непредсказуемые.

Хорошо, что Гришковец вовремя пришел на выручку.

– Например, готовить еду, или эту еду есть..., если это окно кухни. А если это окно спальни, она может... (интригую-

щая пауза) например, читать. А что она может там читать? Ну, какой-то журнал или книгу, которую купила. Купила где-нибудь в переходе метро или на улице. Не специально же за книгой идти в магазин, это же не шторы. Нет. Просто шла, увидела краем глаза забавную обложку, вспомнила, что слышала что-то от кого-то про эту книжку... и купила.

Гришковец благоразумно умолчал, что еще женщина может делать в спальне, как с мужчиной, так и в одиночку.

На этом месте – а прошло уже минут тридцать после начала спектакля – я обнаружил, что на приставном стуле достаточно неудобно сидеть. Вытянуть ноги было некуда, сидеть скрючившись – не вариант. Я решил положить ногу на ногу. Для этого надо было правую ногу аккуратно, не потревожив соседей, перенести через колено левой и так закрепить. Я приступил к операции, чуть дыша.

– Бывают фрагменты жизни, которые я не могу вспомнить. Это случается после какой-нибудь вечеринки, – совершил Гришковец неожиданный каминг-аут. Глядя на небритое злое лицо Евгения с большими мешками под глазами, в это охотно верилось. Более того, сразу была понятна причина этого. – Но потом приходят друзья и помогают восстановить цепь событий вчерашней вечеринки. И вот это восстановление цепи событий чаще всего бывает приятнее и интереснее самой вечеринки. Но я не об этом.

А о чем же ты, Евгений? – захотелось возопить мне с места. Ногу на ногу я наконец положил, но, похоже, пнул по

спинке стула впереди сидящего.

– Значит так... Сидишь у костра, вокруг темно, перед тобой какая-нибудь речка чуть-чуть поблескивает, а за спиной и вокруг – лес... роща какая-то. И из-за того, что костер разгорелся, вся эта тьма и роща приблизились к тебе вплотную, а там, в темноте этой рощи очень остро ощущается волк, – заговорил Гришковец с безумным блеском в глазах. Публика оживилась. Она решила, что началась комедийная часть спектакля. В самом деле, нельзя же заплатить за билеты по три тысячи рублей и даже не посмеяться. Раздались первые робкие смешки. – И оттого, что речка блестит, и темнота окружает, и того, что волк близко – ты жмешься к костру. А там, в небе звезды, и искорки от костра по причудливым траекториям летят к звездам, и кажется, долетают. И откуда-то из тьмы, и кажется, что со звезд, прилетают мошки. И вот от всего этого – и от того, что волк рядом и может укусить, тебя охватывает жуть, но жуть такая... приятная, сладкая...

Нога затекла. Я перекинул ее обратно и, кажется, снова пнул соседа впереди. Тот недовольно заворочался. До меня, наконец, дошло, насколько в зале жарко. Захотелось пить. Я стал представлять ледяную, запотевшую баночку колы и ее змеиное шипение при открытии колечка.

Гришковец отодвинулся куда-то вглубь сцены и стал бубнить там. Через полтора часа он уже представлялся назойливо жужжащей вдалеке мухой. Я исследовал прически соседей, структуру обивки кресел, ковровин под ногами и люст-

ру под потолком.

Гришковец бубнил. Пошел третий час. Минут на двадцать я заснул, затем проснулся, со свежей силой вслушался в пьесу и понял по контексту, что спектаклю скоро конец.

Ан нет! Девушка выглянула из окна и начала произносить бесконечный монолог почему-то на литовском языке. Тяжелое, мрачное забытье нахлынуло на меня... Очнулся я, когда зал уже аплодировал стоя.

С тех пор я отношусь к Гришковцу с огромным пиететом, но держусь на всякий случай от его творчества подальше.

ТРАВА ПО ПОЯС

Россияне – это тот народ, которому неуютно здесь и сейчас. Ему постоянно куда-то хочется: то на Берлин, хотя бы мысленно, то в сталинские или николаевские времена. Наверное, не зря так популярны у нас глупые книжки о попаданцах. А еще – огромное количество песен о поездах.

Начиная с того самого паровоза, у которого, как известно, остановка в загадочной коммуне (и который является жалким плагиатом с песни белогвардейцев «Чей черный форд летит вперед пред славными полками») и заканчивая совершенно психоделическим произведением «На дальней станции сойду», где главный герой совершает ряд, мягко говоря, неадекватных действий – отстав от поезда черт знает где, бродит в полях, ничем не беспокоясь, заходит в траву, как в море, босиком и под конец залезает на высокую ветку, чтобы оттуда заглянуть в детство.

Хорошо, что эта песня вышла в вегетарианские брежневские времена, и не было Роскомнадзора, чтобы заинтересоваться ее содержанием.

Для российского человека поезд – это целый микрокосм. Он должен быть (желательно) плацкартным, чумазым и страшно лязгать. Лязгать обязано все: колеса, полки, двери туалета, ручкомойники. Если поезд не лязгает, он не российский.

Итак, пассажиры расселись и начали поглядывать на часы. В этот момент время приобретает какой-то сакральный характер. Оно становится ценнее, чем у Наполеона при Ватерлоо.

– Минут через пять тронемся, – наблюдательно замечает один из пассажиров.

– Пожалуй, что через четыре, – поправляет его второй, более педантичный, похожий на Айболита из старого детского фильма.

– Не будем ссориться, – примирительно говорит третий. – Через четыре с половиной.

И вот поезд трогается. Обычно первое движение вагона совпадает с ударом яйцом о прикроватный столик. Как демиург, пассажир разрушает это укрытие цыплячьей жизни, и по куполу яйца начинают бежать многочисленные извилистые трещины. Яйцо каучуковое и прыгает, если его выпустить из рук. Да и все целиком состоит из оксюморонов: прочная хрупкость скорлупы, серый белок и синий желток.

Загадка для сведения с ума иностранных лингвистов. Затем вынимается курица, дальняя родственница тех самых яиц. А возможно, что и мать. Курица обычно имеет покорный, податливый вид, причем в любом случае – если ее положить хоть на спину, хоть на грудь. На спине она еще более беззащитна, так как не только разводит ноги, но и поднимает вверх крылья, капитулируя перед едоком. Есть в походном сидоре и еще кое-что. Обычно это краковская колбаса, которая в трио с бесполоыми, практически пасхальными яйцами и женственной курицей несет грубое мужское начало. Колбасу обычно недоедают, она так и лежит на солнцепеке, потея и источая тягучий жир. Ей очень жарко. Опцией идут длинные водянистые огурцы, которые ломаются пополам с драматичным хрустом.

В поезде пассажир обычно сразу надевает на себя маску. Кто-то становится унылым гадателем на кроссвордах, кто-то – резонером и ворчуном, но большинство – эдакими жизнерадостными, деловитыми идиотами. Мне кажется, проводниц надо раньше отпускать на пенсию, поскольку за время своей работы они сильно разочаровываются в роде человеческом.

Перед сном наступает время эквилибристики, и люди тренируют навыки, которые в повседневной жизни не очень-то нужны. Раскручивать, балансируя, рулеты-матрасы, вдавливать багаж под нижнюю полку, уворачиваться от опускающихся на голову верхних либо балетным разворотом запры-

гивать на них. В это момент вагон становится похож на театр теней, развешиваются простыни и за ними шныряют женщины, переодеваясь ко сну.

Посещение туалета – это отдельный квест. Во-первых, надо отстоять в тамбуре минут двадцать-тридцать, дожидаясь оленя, который в клозете беззаботно плещется, фыркает и вообще неизвестно чем занимается. Во-вторых, в туалете все качается и лязгает в два раза сильнее.

Самая бессмысленная и отвратительная в мире вещь – осклизлое вагонное мыло, так как непонятно, кто и когда им вообще пользуется. Отвратительней может быть только вагонное мыло с имплантированным туда волосом. Никогда не протиравшееся туалетное зеркало выдает тебе нечесаное, небритое страшилище, основательно помятое в ходе поездки. Есть от чего прийти в ужас.

Всю дорогу уже ставшие за полдня привычными молчуны и зануды выходят на своих станциях, а вместо их заходят какие-то совершенно незнакомые и неприятные люди. Это напрягает.

И вот, наконец, ты приехал. На маленькую, заснеженную станцию с облупленной вывеской. И такой она кажется скучной по сравнению с великим таинством путешествия, что ты прямо сейчас готов взять обратный билет и двинуться назад.

**КАК Я ПОПАЛ В САМОЛЕТ, ЗАХВАЧЕННЫЙ
ТЕРРОРИСТАМИ, И ПРОСИДЕЛ В НЕМ ШЕСТЬ
ЧАСОВ**

Представьте себе 1992 год (кто помнит, конечно, и кто помнит его в России). Все подорожало в двадцать раз, народ обалдело бродит по улицам и смотрит на незнакомые доселе вещи в коммерческих ларьках: печенье Ulker, шоколад Toblerone, спирт Royal, загадочные ликеры Varen и Amaretto, сухие соки Yurі и Zuko. Большинство этих товаров стояло скорее как музейные экспонаты, потому что покупать их было не за что – средняя зарплата в Новосибирске была долларов эдак 40. Большинство советских заводов и НИИ в жуткой агонии, народ просиживает там штаны по инерции, не понимая, что делать дальше.

И вот в такой обстановке местечковые энтузиасты начинают снимать полнометражный фильм «Безумный рейс» про воздушных террористов. Конечно, по уровню это была далеко не «Воздушная тюрьма», «Самолет президента» или «Тревожные небеса». Это был малобюджетный набор туповатых гэгов, склеенных кое-как и смонтированных еще хуже. И три главных актера, приглашенных из новосибирских театров – рыжий нелепый Аитов, гиперактивный Выскрибенцев и профессорски солидный Чумичев – похоже, просто не понимали, что они в этом фильме делают.

Если вкратце, сюжет таков. Упомянутая тройца летит на одном ряду из Сибирска в Волгоград, в результате недоразумения их принимают за террористов, которые хотят угнать самолет в Турцию (как актуально зазвучало через 25 лет, ага!), ну, и вокруг этого крутится вся фабула. То пилоты уже

строят планы, чего они накупят в Анкаре, то пассажир мечтает о собственном гареме, то команда новобранцев, летящая этим же самолетом, вместо того, чтоб обезвредить преступников, пожимает им руки и обещает помочь.

И вот я читаю в «Вечернем Новосибирске» объявление о том, что требуются актеры в массовку. Я в то время практически как раз дописал свой диплом и перед защитой было заниматься особенно нечем. И потом, звездные гонорары манили меня. У меня, видите ли, было совершенно искаженное представление о кинореальности. А так как жил я в основном на стипендию (ну и что-то платили на заводе, где я проходил практику), все время ужасно хотелось есть. Человеку свойственно в голодном состоянии совершать глупости. Вот я и позвонил насчет набора.

Крайне любезным голосом меня пригласили подойти в центр города к кинотеатру «Победа», где всех статистов и миманс будет ожидать комфортабельный автобус для доставки в аэропорт Толмачево.

И, действительно, он там ожидал. Буквально через час мы уже были на летном поле, где угрюмо стоял списанный Ту-154. По-моему, у него не было даже крыльев и хвоста. Кстати, забыл сказать, что установилась жара градусов 30—35. Поэтому внутри салона было только лишь чуть легче, чем в аду.

Режиссер был бородат, кудлат, очкат (или очков?) и преувеличенно оптимистичен. В наши дни из него бы получил-

ся заправский вейпер и веган на самокате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.